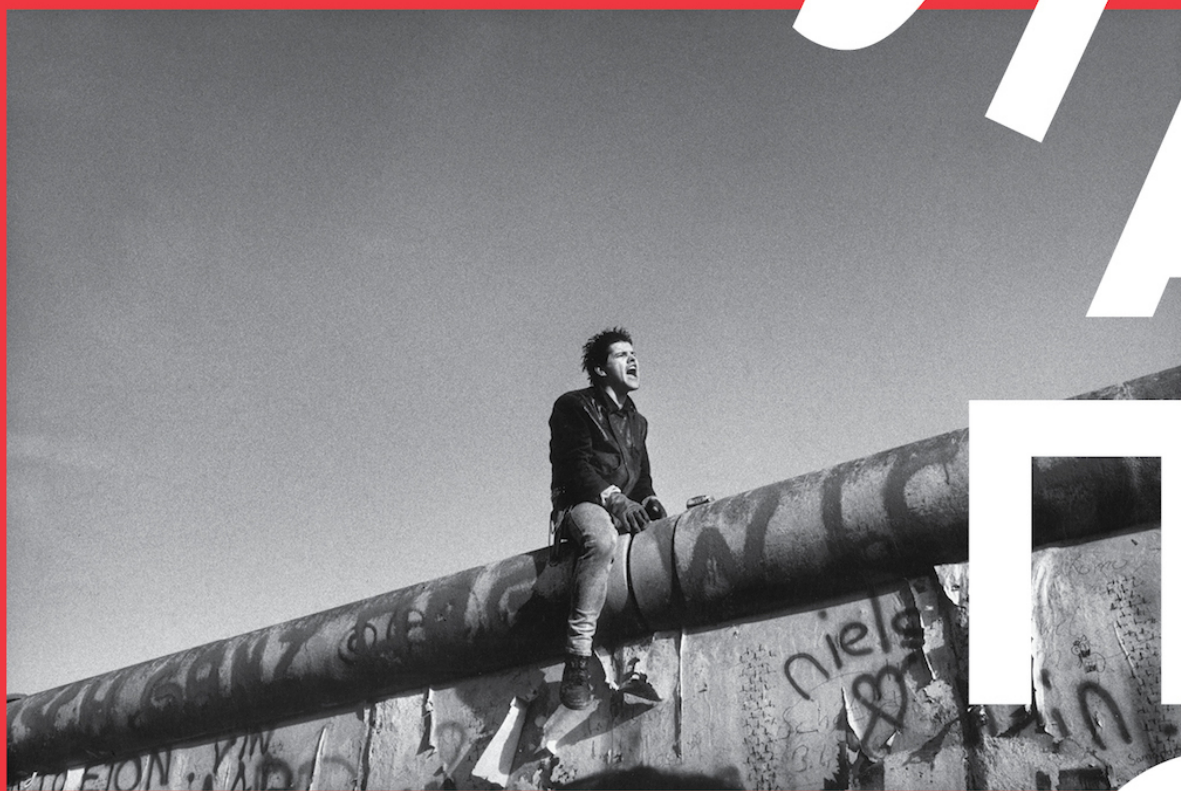

Мэри Элиз Саротт

КОЛЛАПАСС

Случайное падение
Берлинской стены

Мэри Элиз Саротт

**Коллапс. Случайное
падение Берлинской стены**

«Individuum»

2014

УДК 94 (430)
ББК 63.3(4)

Саротт М.

Коллапс. Случайное падение Берлинской стены / М. Саротт —
«Individuum», 2014

ISBN 978-5-6042628-3-2

«Коллапс» — головокружительный исторический триллер, демонстрирующий, как мирный протест способен привести к изменениям, которые еще вчера казались невозможными. Мэри Элиз Саротт профессор истории в Школе передовых международных исследований при Университете Джонса Хопкинса, практически поминутно восстанавливает хронику событий, предшествовавших падению Берлинской стены и показывает, как из множества мелочей, часто случайных и непредвиденных, складывается Большая История.

УДК 94 (430)

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-6042628-3-2

© Саротт М., 2014
© Individuum, 2014

Содержание

Сокращения в подписях под иллюстрациями, картах и тексте	6
Предисловие	7
Часть I	14
Глава 1	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мэри Элиз Саротт

Коллапс

Случайное падение Берлинской стены

Перевод: Максим Леонович

Фотография на обложке:

© Raymond Depardon/Magnum Photos, East News

© Mary Elise Sarotte, 2014

© ООО «Индивидуум Принт», 2019

* * *

*Посвящается Дэйвни и Элу,
Стиву и Марку*

К революциям не всегда приводит только ухудшение условий жизни народа. Часто случается и такое, что народ, долгое время без жалоб переносивший самые тягостные законы, как бы не замечая их, мгновенно сбрасывает их бремя, как только тяжесть его несколько уменьшается...

*Зло, которое долго терпели как неизбежное, становится непереносимым от одной только мысли, что его можно избежать.
Алексис де Токвиль¹*

¹ Цит. по Токвиль А. де. Старый порядок и революция / пер. с фр. М. Федоровой. – М.: Московский философский фонд, 1997.

Сокращения в подписях под иллюстрациями, картах и тексте

- ABC – американская телевизионная сеть
- ADN – восточногерманская служба новостей
- ARD – западногерманская вещательная сеть
- CBS – американская телерадиосеть
- ХДС – Христианско-демократический союз (политическая партия в ФРГ; отдельная от нее политическая партия в ГДР; объединились вместе с Германией в 1990 году)
- ЦРУ – Центральное разведывательное управление США
- СБСЕ – Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе
- ЧССР – Чехословацкая Социалистическая Республика
- DPA – западногерманское информационное агентство
- ЕС – Европейский союз
- СвДП – Свободная демократическая партия Германии (западногерманская, позже германская; также известна как Либеральная)
- ФРГ – Федеративная Республика Германии (также Западная Германия)
- ГДР – Германская Демократическая Республика (также Восточная Германия)
- МГБ – Министерство государственной безопасности ГДР (также известное как Штази)
- НАТО – Организация Североатлантического договора
- NBC – американская телевизионная сеть
- NSC – Совет национальной безопасности США
- RHG – Общество Роберта Хавеманна
- SBM – Фонд «Берлинская стена»
- СЕПГ – Социалистическая единая партия Германии (руководящая партия ГДР)
- ZDF – западногерманская телекомпания

Предисловие

Установление причин коллапса

Причины в истории, как в любой другой области, нельзя постулировать. Их надо искать.

Марк Блок²

Девятого ноября 1989 года в 18:30 по североамериканскому восточному времени телезрители канала NBC готовились увидеть нечто поразительное. Ведущий канала Том Брокау как раз начинал прямую трансляцию Nightly News³ из Западного Берлина. Двумя днями ранее Брокау вместе с продюсерами решил, что сотрудники передачи должны отправиться в разделенный город в самом центре Европы, охваченной холодной войной. Они соорудили высокую платформу непосредственно перед тем местом, где Берлинская стена отрезала от Запада легендарные Бранденбургские ворота. Команда под руководством Брокау взяла напрокат автокран с люлькой, чтобы поднять телеоператоров NBC с их оборудованием – в том числе огромные прожектора: съемочная группа хотела быть уверена, что им хватит света даже ночью. NBC была единственной вещательной компанией со столь серьезным оснащением в этом месте – у самой узнаваемой достопримечательности города. Решение поехать в Западный Берлин и застолбить это место впоследствии сполна окупится, превзойдя самые смелые ожидания руководства телесети.

Когда Nightly News начались⁴, зрители увидели Брокау на высокой платформе. Его темносинее шерстяное пальто резко выделялось на фоне светлой Стены за ним. Оператор взял такой угол, что в кадр попали и Бранденбургские ворота, частично освещенные огнями Западного Берлина, а отчасти скрытые в тени восточной половины города за Стеной. С западной стороны Стены, ниже платформы ведущего, все пространство заполнила взволнованная толпа. Некоторые даже воспользовались нетипичной формой Стены (этот сегмент был ниже и толще прочих – якобы для того, чтобы не дать вражеским танкам прорваться к воротам), чтобы забраться на нее и смотреть стоя⁵. Те, кому это удалось, с трудом удерживали равновесие под напором водометов, направленных на них с восточной стороны.

Выглядело все это впечатляюще. Брызги от устремленных вверх потоков воды с востока отражали свет, падавший с запада. Казалось, будто кто-то перенес фонтан с подсветкой из Лас-Вегаса в центр разделенного Берлина. Пораженные зрители слушали, как Брокау описывает происходящее: «За моей спиной – праздник». Ликование, как он объяснял, было вызвано неожиданным решением. Как «объявило сегодня правительство ГДР... впервые с момента возведения Стены в 1961 году люди смогут свободно переходить на другую сторону!»

² Блок М. Апология истории или ремесло историка. 2-е изд., дополненное / пер. с фр. Е. М. Лысенко. – М.: Наука, 1986.

³ «Вечерние новости» – Прим. пер.

⁴ <https://youtu.be/DW63qzFn80Y>

⁵ Похоже, что необычная форма Стены в этом месте была результатом танкового противостояния между американскими и советскими танками у Чекпойнта Чарли в 1961 году. Режим, видимо, опасался, что Запад может выдвинуть танки и к Бранденбургским воротам, поэтому там Стена строилась так, чтобы стать особенно эффективным барьером против танков. Отсюда ее приземистость и толщина. Подробнее об этом см. Johannes Cramer et al., Die Baugeschichte der Berliner Mauer (Petersberg: Imhof Verlag, 2011), особенно фотографии на с. 236 и 305.

Берлинская стена перед Бранденбургскими воротами, ноябрь 1984 года. Знак сообщает: «Внимание, вы покидаете Западный Берлин». Форма стены в этом месте (ниже и толще, чем везде) якобы должна была не позволить танкам атаковать эту особенно символичную достопримечательность (SBM, Bild Nr. 0034–09104; фотография Маргарет Ниссен).

Однако Брокау и его съемочная группа не могли спокойно наслаждаться эксклюзивной трансляцией от Бранденбургских ворот. Напротив, его команде следовало оставаться начеку, поскольку становилось ясно, что тут все не так однозначно. Если восточногерманский режим объявил, что люди могут свободно перемещаться через Стену, то почему он применял водометы, не давая им этого сделать? Разница во времени между Берлином и Нью-Йорком составляла шесть часов – там, откуда Брокау вел репортаж, было уже поздно, темно и холодно. Промочить людей до нитки в ноябрьскую ночь, а то и вовсе сбить их брандспойтом с почти трехметровой стены выглядело не очень гостеприимным жестом. Телекамеры NBC также записали, как на восточной стороне нескольких человек оттаскивали силой.

Почему сотрудники органов безопасности ГДР использовали водометы и разгоняли мирно празднующих людей? Почему NBC была единственной телесетью в мире, установившей в ту ночь репортажную платформу перед Бранденбургскими воротами? Самое главное – почему граница открывалась посреди ночи и так гротескно? Подходило ли вообще слово «открытие» к тем событиям? Вплоть до того вечера никто не ожидал, что Стена падет. Даже в 1989 году попытки бегства из Восточной Германии оставались смертельно опасными. Последний раз здесь застрелили человека в феврале; последний раз стреляли среди бела дня в апреле (обошлось без жертв), а последняя смерть при попытке побега на другом участке протяженной восточногерманской границы случилась всего за три недели до той трансляции NBC. Граница между двумя Германиями была, разумеется, лишь частью длинной разделительной линии

между двумя военными блоками в Европе, грозившими друг другу термоядерным оружием. До той самой ночи 9 ноября 1989 года руководство Восточной Германии строго контролировало перемещение жителей страны.

В действительности режим и не собирался ослаблять контроль вечером девятого числа. Открытие границы не было следствием решения политических лидеров в Восточном Берлине (хотя некоторые из них впоследствии будут утверждать обратное) или соглашения с правительством ФРГ в Бонне. Оно не стало итогом некоего плана четырех держав, все еще наделенных высшей властью в разделенном Берлине: США, Великобритании и Франции на Западе и СССР на Востоке. Не было оно и результатом особого соглашения между бывшим президентом США Рональдом Рейганом и лидером Советского Союза Михаилом Горбачевым. Той ночью открытие границы вообще не входило ни в чьи планы.

Так почему же это происходило? Огромные толпы людей стекались как к восточной, так и к западной сторонам Стены. Восточногерманский режим с трудом поддерживал порядок не только у Бранденбургских ворот, но и у контрольно-пропускных пунктов (у самих ворот границу пересечь было невозможно) при помощи вооруженных солдат, заграждений и прочих средств. В некоторых местах силам безопасности удалось восстановить контроль над толпой, но люди продолжали прибывать. Раз за разом жители ГДР прямо говорили пограничникам: «Вы должны нас пропустить». И раз за разом эти же пограничники (которые всего пару недель назад наставили бы на них автоматы) давали им пройти. Почему?

Чтобы ответить на вопрос «Почему?», необходимо сперва ответить на вопрос «Как?». А чтобы понять, как пала Берлинская стена, нужно, в свою очередь, обратиться к первоначальным свидетельствам, так как за прошедшие годы появилось множество утверждений, которые иначе как ложными не назовешь⁶. Это неудивительно, ведь у всякой победы тысяча отцов. Но когда мы пересматриваем непосредственные причины крушения Стены, исходя из свидетельств очевидцев, в глаза бросается решающее значение случая и непредвиденных обстоятельств, а не планов политиков. Это поразительный пример внезапного события, момента, когда вопреки всем ожиданиям рухнули как буквальные стены, так и символические. Ряд происшествий, подчас столь мелких, что в иных условиях их сочли бы ерундой, высекли искры во взрывоопасной атмосфере осени 1989 года и спровоцировали драматичную череду событий, кульминацией которых стало незапланированное падение Берлинской стены. Эта книга изучает не только упомянутые искры, но и породивший их конфликт между двумя параллельными и обгоняющими друг друга процессами в Восточной Германии: всплеском революционного, но ненасильственного гражданского сопротивления и коллапсом правящего режима. Проще говоря, падение Стены стало тем моментом, когда оппозиция превзошла режим⁷. Она воспользовалась ошибками властей и вырвала из их рук контроль над границей. Он оказался ключом к власти – режим рухнул вслед за Стеной.

⁶ Одно из подобных ошибочных утверждений – что режим ГДР намеренно разрешил открытие границы – проникло, несмотря на отсутствие убедительных доказательств, не только в популярные версии изложения событий, но и в добросовестные (в остальных аспектах) рецензированные исторические исследования. Многие очевидцы тех событий позже заявляли, что предвидели их; см., например, John Kornblum, “November 9, 1989”, *Berlin Journal* 18 (Fall 2009), где он замечает: «Больше всего в событиях 9 ноября 1989 года меня удивляет то, что столь многие им удивились [sic]» – но не он. Напротив, бывший посол США в ГДР в 1989 году – Ричард Баркли – признался в интервью с автором, что ни он, ни «кто-либо в американском правительстве» не предвидел открытия Стены, но «поразительно, какими мудрыми некоторые из них стали за минувшие двадцать пять лет».

⁷ Если обобщать, то исследователи в основном фокусировались либо на одном, либо на другом, а именно на природе коллапса правящего режима и других политических элит или на переживаниях широких слоев населения и протестного движения. Авторы, уделяющие прежде всего внимание элитам, склонны подчеркивать «ропуск» или даже «саморопуск» правящего режима ГДР при изложении истории падения Стены. Другие ученые, напротив, сфокусировались на населении, на вопросе о том, как граждане ГДР могли вести «совершенно обычную» жизнь, несмотря на разнообразие контролируемые институты, и на том, как народные движения в конечном итоге отвергли лидеров-диктаторов.

То, что упомянутая выше череда событий совпала с двухсотлетней годовщиной Великой французской революции, является не более чем поразительным совпадением. Однако это совпадение подсказывает, что нам стоит воспользоваться знаменитым исследованием Алексиса де Токвиля обстоятельств произошедшего в 1789-м, чтобы понять, что же случилось два века спустя. Токвиль пришел к выводу, что смягчение деспотии старых элит во Франции XVIII века не только не удовлетворило людей, но воодушевило массы идти на насилие, требуя перемен. Как только забрезжила возможность изменить ситуацию, приемлемые прежде условия мгновенно стали невыносимыми. Наблюдения Токвиля поразительно подходят и к 1989 году, ведь той осенью наступил схожий период ослабления гаек. Горбачев, к тому моменту находившийся у власти около четырех лет, провел ряд реформ и значительно облегчил бремя угнетения, которое несли жители как самого СССР, так и всего социалистического лагеря. Без этого Стена бы не пала. Впрочем, для открытия границы не хватило бы одних только реформ Горбачева, ведь они не предполагали лишить коммунистическую партию власти над СССР или Восточной Европой. Скорее они стали своего рода признанием неудач Советского Союза – как в обеспечении потребностей собственных граждан, так и в соревновании с США на мировой арене. Чтобы исправить положение, Горбачев изменил многое в управлении партией и государством, но делал он это в надежде спасти, а не ликвидировать их. Иначе говоря, он не собирался предавать идеалы социализма; напротив, он хотел защитить их и потому пошел на неизбежную, как ему казалось, перестройку.

Он ожидал, что его союзники – лидеры стран соцлагеря – последуют его примеру, и не собирался поддерживать никакие альтернативные движения вроде польской «Солидарности» или националистических групп внутри СССР. Реформы Горбачева не имели целью распустить советский военный союз – Организацию Варшавского договора – или прекратить оккупацию разделенной Германии. За нее пришлось заплатить слишком высокую цену, и ни один лидер в Москве не отказался бы от нее просто так. Миллионы солдат и гражданских погибли в неопишимо жестокой схватке после решения Адольфа Гитлера вторгнуться на территорию СССР 22 июня 1941 года. Москва считала оккупацию поверженной Германии совершенно легитимной, учитывая то, сколько крови пришлось пролить, чтобы отразить атаки нацистов. Даже после того, как 7 октября 1949 года советская оккупационная зона была формально объявлена независимым государством под названием Германская Демократическая Республика (ГДР), новая страна де-факто оставалась под контролем Москвы, а советские войска не были из нее выведены. Особенно явно это показало себя в 1953 году, когда после смерти Иосифа Сталина во многих частях ГДР вспыхнули волнения. Именно советские танки в итоге подавили бунт и восстановили порядок.

Строительство Стены в 1961 году закрепило раздел Берлина и, больше того, Германии. Даже десятилетия спустя самый знаменитый призыв к прекращению этого раскола – озвученный Рейганом 12 июня 1987 года – не привел к открытию границы. Рейган произнес его в том же самом месте перед Берлинской стеной, откуда Брокау вел репортаж о настоящем, хаотичном открытии границы через два с половиной года. В своем выступлении Рейган обратился лично к лидеру СССР: «Генеральный секретарь Горбачев, если вы ищете мира... приезжайте сюда! Господин Горбачев, откройте эти ворота! Господин Горбачев, разрушьте эту стену!» Эти громкие слова (советники Рейгана пытались вырезать из его речи некоторые реплики, посчитав их слишком вызывающими) не привели ни к открытию прохода через Стену, ни даже к предварительному соглашению об этом. Горбачев и Рейган встречались на нескольких саммитах, договаривались о мерах по контролю над вооружениями, понемногу снижали враждебность между Советами и США, но так и не составили плана о прекращении раздела Германии – ни до, ни после того, как Рейган покинул Овальный кабинет в январе 1989 года, когда его место занял бывший вице-президент Джордж Буш-старший. В результате, хотя поведение Москвы и Вашингтона обеспечило условия, в которых могла открыться граница, нам не понять непо-

средственных причин падения Берлинской стены, рассматривая только действия сверхдержав. Нам следует смотреть шире, и как раз в этом заключается цель книги: исследовать ключевые причины, которые в короткое время привели к тому, что падение Стены стало реальностью.

Очень поучительна в этом отношении мудрость еще одного французского мыслителя – Марка Блока. Блок претерпел много горя от рук нацистов после того, как немцы летом 1940 года за считанные недели захватили Францию. Блок – ветеран Первой мировой и отец шестерых детей – стал активным членом французского Сопротивления. Последние работы Блока напечатаны посмертно, так как его схватили гестаповцы, подвергли пыткам и расстреляли 16 июня 1944 года, всего через несколько дней после того, как союзники высадились на берегу Нормандии и начали спасать Европу от зверств нацистов.

Интересующие нас строки Блок написал уже после капитуляции Франции. Блок предупреждал о причинно-следственной связи в истории – опираясь не только на научные знания, но и на трагедию, которую переживала его страна. Причины, предостерегал он, нельзя постулировать – ни в истории, ни в политике, ни в любой другой области. Вместо этого их нужно искать и устанавливать. И во время этих поисков мы не должны допускать ошибку и судить задним числом, считая, будто случившееся было неизбежно. Такие события, как Французская революция 1789 года или быстрая капитуляция Франции в 1940 году, сегодня представляются нам неизбежными, хотя изначально и не были таковыми. Признавая неизбежность событий, мы забываем о действиях людей, которым пришлось принимать судьбоносные решения под тяжелейшим давлением.

Следуя за предложением Блока, эта книга выйдет за рамки догадок и будет искать причины падения Берлинской стены в свидетельствах той поры. На основе источников из нескольких стран она выдвинет предположения о том, как, а затем – почему открылась Стена. К счастью, источников сегодня предостаточно. К множеству ценных архивных материалов сегодня есть доступ, и, что особенно важно, эту информацию можно дополнить интервью с очевидцами событий. Интервью должны отвечать высоким стандартам: их достоверность должна соответствовать не только требованиям интервьюера, но и письменным историческим документам.

Существующие документы содержат чрезвычайно подробные сведения, во многом благодаря многолетней работе тайной полиции Восточной Германии, которая официально называлась Министерством государственной безопасности ГДР, а неформально – Штази. После объединения Германии в 1990 году законодатели новой страны решили не засекречивать досье Штази, а открыть их для бывших объектов слежки и ученых. Благодаря принятым законам мы можем увидеть повседневную бумажную волокиту диктатуры почти без каких-либо ограничений. Поскольку архивы политических руководителей Штази – Социалистической единой партии Германии, более известной по ее немецкой аббревиатуре SED, – тоже практически полностью открыты, появилась возможность заполнить лакуны информации в архивах Штази за счет партийных документов. Многие архивы правящих партий бывших стран-союзниц ГДР по Варшавскому договору также открыты, равно как и государственные источники разных стран соцлагеря⁸. Материалы с Запада теперь тоже доступны в большом количестве. Наконец, поскольку описываемые события произошли сравнительно недавно, дополнительную информацию можно почерпнуть из аудио- и видеозаписей тех лет. Короче говоря, сведений по теме предостаточно – порой кажется, что их даже слишком много.

Эти свидетельства не только явно указывают на случайный и непредвиденный характер открытия границы, но и дают понять, что люди, поспособствовавшие падению Стены 9 ноября, в большинстве не являлись политиками с мировыми именами. Наоборот, они были рядовыми фигурами, заместителями, а не начальниками, а то и вовсе никому не известными людьми. Двенадцать таких человек появятся на страницах моей книги: Катрин Хаттенхауэр, подро-

⁸ Стоит отметить, что в странах Варшавского договора партия стояла выше государства.

сток-активистка, посаженная в камеру-одиночку за свои политические взгляды; Уве Швабе, бывший военнослужащий, ставший врагом государства номер один; Кристоф Воннебергер и Ганс-Юрген Зиверс, двое пасторов из протестантских церквей в саксонской части ГДР, которые были убеждены в неизбежности перемен и в своей способности ускорить их; Роланд Ян, сотрудник западноберлинской телестанции с очень большими связями; Арам Радомски, бродяга из Восточной Германии, которого насильно разлучили с его девушкой, из-за чего он жаждал мести; его друг Зигги Шефке, мечтавший о запретном путешествии на Запад; Марианна Биртлер, консультант по работе с молодежью в Восточном Берлине; чиновники среднего звена, например Гельмут Хаккенберг, один из многочисленных вторых секретарей партии, Герхард Лаутер, молодой и амбициозный начальник отдела в Министерстве внутренних дел ФРГ, Игорь Максимычев, заместитель посла в посольстве СССР в Восточном Берлине, и, наконец, Харальд Егер, второразрядный офицер паспортного контроля, дежуривший в ночную смену у пропускного пункта в Восточном Берлине. Большинство этих людей были мало известны за пределами своих небольших сообществ, но все они – иногда ненамеренно – внесут большой вклад в падение Берлинской стены. Они станут катализаторами этого коллапса. Сердце моей книги – история этих людей и их проблем на фоне масштабных исторических перемен.

Хотя условия, сложившиеся в 1989 году в разделенной Германии, уникальны, значение этих людей и их опыта не ограничивается только временем и местом. Несмотря на то, что моя книга сфокусирована на специфической истории, случившейся с отдельно взятой диктатурой, в ней можно прочесть и вдохновляющий рассказ о крайне редком и радостном событии: о том, как граждане мирным путем победили построенный на насилии режим. Особенно поразительно то, что этот мирный процесс достиг своей кульминации в Берлине – городе, пропитанном милитаризмом, от которого мир претерпел столько страданий.

Двенадцать человек, представленных на страницах книги, по-разному пережили 1989 год, но все они представляют собой репрезентативные примеры диссидентов, чиновников и хроникеров в период успешной революции. Их истории показывают, что легко пройти через такой бурный период, как тот, что они пережили вместе, невозможно. Оппозиционное движение в ГДР, в частности, было небольшим, раздробленным и склонным к междоусобицам. Человеческие слабости проявлялись в нем слишком часто. Тем не менее члены этого движения в итоге смогли не ударить в грязь лицом. Они воодушевлялись польской «Солидарностью», Горбачевым, ошибками собственных руководителей и друг другом и в 1989 году сумели сделать то, что им так долго не удавалось: побудить широкую общественность Восточной Германии присоединиться к ним. Как только они это сделали, произошла революция – люди без всякого кровопролития прорвали охраняемую границу, – которая как ни одно другое событие символизирует конец холодной войны. Пускай падение Стены – лишь один эпизод в этой долгой истории, но именно он навсегда отрезал путь назад.

Таким образом, изучение истории подъема мирной революции, краха восточногерманского режима и падения Берлинской стены означает изучение чего-то большего, чем отдельно взятая страна или событие. Оно включает понимание масштабных задач, которые неотъемлемо связаны со свержением диктаторов ненасильственным путем. Эта книга показывает, как много обстоятельств должно совпасть – а их очень много, – чтобы был достигнут успех. Изучая, как разворачивались события в Восточной Германии в 1989 году, мы можем понять, как и почему подчиненные диктаторов вопреки имеющимся инструкциям решают нарушить приказы и не прибегают к насилию против мирных демонстрантов или как и почему угнетаемые в момент кризиса решают довериться незнакомцам, тем самым формируя крупные и устойчивые протестные сообщества. Последний пункт особенно важен и удивителен. Как мы убедимся, представители верхушки диктатуры, работавшие вместе десятилетиями, совершенно не доверяли друг другу, тогда как лидеры диссидентов в группах, напичканных шпионами тайной полиции, проявляли поразительную открытость и доверие к чужакам, готовым помочь.

В этой истории мы также сможем узнать цену тех триумфалистских заявлений о событиях в разделенном Берлине 1989 года, которые делались людьми со стороны. В США падение Стены дало импульс неудачному слогану «От Берлина до Багдада». Иначе говоря, коллапс способствовал тому ошибочному мнению, что Вашингтон единолично стоит за крахом восточногерманской диктатуры и что США способны повторить этот успех небольшой ценой в других точках земного шара. Конечно, западные страны и их свободы сыграли важную роль в мотивации участников событий 1989 года, но история, которая рассказывается здесь, демонстрирует необходимость более детального понимания роли случая, непредвиденных обстоятельств и, самое важное, позиции действующих лиц внутри страны.

Суммируя вышесказанное: нам стоит внимательно рассмотреть подробности того, как открылась граница 9 ноября 1989 года, поскольку эти детали дополняют более общие и важные исторические уроки. Та ночь олицетворила момент победы мирного движения гражданского сопротивления над диктаторским режимом. Подобные мирные успехи достигаются крайне редко; еще реже от них остается столько замечательных свидетельств и очевидцев. Вглядываясь в документы, слушая свидетелей и изучая историю (то, как она в действительности происходила, а не наши предположения), мы проникаемся уважением и пониманием к людям, которые пытаются содействовать мирным переменам, невзирая на репрессии диктатуры и слабые шансы на успех, а также к тому, как люди извне могут действительно поспособствовать распространению их достижений, а не просто считать, что они и так уже всем помогли. Можно выразиться и менее деликатно: не было никакой предопределенности в том, что Брокау стал рассказывать хорошие новости со своего наместа перед охраняемой границей в ночь на 10 ноября. История Берлина XX века знала предостаточно кровопролитий. События конца 1980-х и правда внушили берлинцам, жившим за Стеной, вдохновение, необходимое, чтобы бросить вызов репрессивной системе, – об этом же говорят и выводы Токвиля. Но труды Токвиля также предполагают, что, восстав, жители Восточной Германии должны были отвергнуть законы и границы режима, прибегнув при этом к насилию. Как и почему этого насилия не случилось – вот что делает историю открытия Берлинской стены одновременно и уникальной, и повсеместно значимой⁹.

⁹ Чтобы в доступной форме рассказать эту историю и многочисленные свидетельства, на которых она строится, книга поделена на несколько частей – кругов, каждый из которых меньше предыдущего. Самый большой внешний круг – это широкий контекст мировой истории XX века. Внутри него расположен следующий концентрический круг противостояния холодной войны в Европе, а в нем – круг борьбы за контроль над восточногерманским регионом Саксония. Затем история сужается еще сильнее, до улиц Восточного Берлина и, наконец, до самой Берлинской стены.

Часть I

Борьба внутри восточного блока и Саксонии

Глава 1

Жестокий статус-кво

Звуки выстрелов разлетались далеко. Особенно ночью, когда все затихало, особенно зимой, когда деревья стояли без листьев и не могли их приглушить. В такие моменты жители разделенного Берлина могли слышать их за милю или даже дальше от того места у Стены, где стреляли. Выстрелы случались не каждую неделю и даже не каждый месяц, но к 1989 году они успели стать регулярным и узнаваемым явлением. Все понимали, что означает этот шум. На Западе он вызывал беспокойство и отвращение. На Востоке он вызывал страх.

Карин Геффрой – разведенная мать двоих сыновей – жила в Йоханнистале, районе Восточного Берлина, через Стену от западноберлинского района Нойкёльн. Всякий раз, проснувшись из-за выстрелов, она думала об одном и том же. Кто-то, обычно молодой мужчина, попытался бежать из ГДР через Стену, и кто-то, обычно его родители, вскоре узнает ужасные новости. Может быть, их сын попадет в тюрьму за попытку побега, может быть, его избьют, а может – и того хуже. Обычно, услышав шум, Геффрой не могла снова уснуть. Она включала радио и слушала станции Западного Берлина, так как они всегда пытались рассказать о случившейся стрельбе как можно больше. Иногда остаток ночи она воображала, каково это было бы – узнать подобные новости об одном из ее сыновей.

Опыт Геффрой раскрывает истину о государстве, в котором она жила, – истину, которая не изменилась в 1989 году, несмотря на все реформы Горбачева: авторитет властей Восточной Германии все еще опирался на их способность контролировать передвижение своих граждан. Контроль, в свою очередь, держался на применении силы. Конечно, он часто принимал и более сложные или скрытые формы, приводя к приспособленчеству, пособничеству и соучастию жителей Восточной Германии. Населению ГДР приходилось адаптироваться к диктатуре и, несмотря на это, пытаться сделать свою жизнь как можно более комфортной. Когда Крис – младший сын Карин – потребовал от матери, чтобы они попытались перебраться на Запад, та ответила, что ей слишком страшно начинать все сначала на новом месте и что она привыкла к тому, что у нее есть. У нее были квартира и работа, а на остальное можно было закрыть глаза. Крис пришел в ярость: «Этого мало для настоящей жизни. Всегда можно начать сначала!» Он отметил, не в первый и не в последний раз, как сильно ему хотелось бы увидеть остальной мир, особенно США.

Ответ его матери можно понять, ведь те политические силы, что разделили Германию, в конечном счете были неподконтрольны жителям ГДР – и даже руководству страны. Раздел был следствием того, как закончилась Вторая мировая война, и сложившегося после нее противостояния между военным союзом во главе с США (Организацией Североатлантического договора – НАТО) и советским альянсом – Организацией Варшавского договора. Концептуально раздел Германии выражал давнее историческое соперничество между коммунистическим и демократическим взглядом на организацию современных обществ. Весь XX век испещрен следами конфронтации между этими двумя идеологиями. Противостояние приводило как

западных, так и коммунистических лидеров по всему миру к империалистическим повадкам – несмотря на то что они их осуждали. Находясь, в сущности, в прифронтовом государстве обширной Советской империи, жители Восточной Германии, такие как Геффрой, остро ощущали на себе последствия конфликта. Правящий режим их страны верил, что ему необходимо не только защищаться от врагов соцлагеря, но и удерживать своих граждан внутри границ. Отсюда колючая проволока и звуки стрельбы по ночам.

Разделение побежденной Германии после Второй мировой войны, как и дробление Берлина, изначально не должны были длиться десятилетиями. Напротив, это были экстренные меры в ответ на хаос, воцарившийся в послевоенной Германии. Здания лежали в руинах, свирепствовал голод. Разделение было нужно для временного распределения задач, связанных с оккупацией разрушенной страны и столицы, между четырьмя главными странами-победителями – Великобританией, Францией, Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом – до мирной конференции, которая позже могла бы ввести постоянные правила. Однако трения между сверхдержавами сделали проведение конференции невозможным. Шли бесконечные споры о самых разных аспектах оккупации. Упомянем один пример: советские оккупационные войска массово насиловали женщин, и западные союзники едва ли могли остановить их, не применяя силы¹⁰.

В итоге западные союзники, сотрудничавшие с местными политиками, решили превратить их оккупационные зоны в новое государство – Федеративную Республику Германии (ФРГ), или Западную Германию, в мае 1949 года. Новоявленные западные немцы сделали ряд шагов, чтобы показать, что объединение Германии остается желаемой целью, а ФРГ – лишь временная мера. Столицей они выбрали не крупный город, как Франкфурт, а совсем небольшой Бонн. Они заявили, что немцы – в широком смысле – имеют право на гражданство в новом государстве. С практической точки зрения это означало, что любой немец, достигший территории ФРГ, имел право получить паспорт и социальное обслуживание практически сразу же, минуя бесконечные ходатайства и миграционные процедуры. Наконец, эксперты по праву составили так называемый Основной закон, который стал служить фундаментом нового государства вместо Конституции. Статья 146 Основного закона гласила, что Конституция вступит в силу в неопределенный момент в будущем, когда «немецкий народ» определится с ней в результате референдума. До тех пор Основной закон должен был служить правовой основой ФРГ.

Есть какая-то ирония в том, что ФРГ в рамках Основного закона сформировала самые устойчивые политические институты в истории Германии. На протяжении конца XIX и первой половины XX века Германия будто бы несла бремя проклятья – ее институты не могли гарантировать стабильность и обезопасить от диктатуры. Теперь же предположительно временные структуры ФРГ прекрасно с этим справлялись, во всяком случае в западной части разделенной страны. Стабильность, обеспеченная Основным законом, привела, помимо прочего, к уверенному восстановлению экономики Западной Германии. ФРГ успешно сделала ставку на «социально-рыночный» подход и преодолела материальные разрушения и хаос, оставленный двумя мировыми войнами, быстрее, чем кто-либо мог ожидать. К тому же Западная Германия и другие западноевропейские страны воспользовались масштабной помощью, предоставленной им Соединенными Штатами Америки в рамках плана Маршалла.

Ну а на востоке, в том же 1949 году, Советский Союз руководил процессом превращения своей зоны влияния в другое новое государство – ГДР. Имея на бумаге демократическую

¹⁰ Воспоминания об этих событиях, написанные от первого лица, можно прочитать в *A Woman in Berlin*, trans. Philip Boehm (New York: Metropolitan Books, 2005). О советской оккупации смотрите Norman Naimark, *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995).

структуру и даже многопартийную систему, Восточная Германия стала субъектом, которым де-факто управляло Политбюро Социалистической единой партии Германии (чаще всего известной по ее немецкой аббревиатуре – SED)¹¹. Чтобы контролировать государственные институты ГДР, партийные лидеры Восточной Германии заявили свои права на практически все значимые государственные посты, одновременно сохраняя за собой и партийные должности. Когда требовалось принять государственное или партийное решение любой значимости, Политбюро совещалось с Москвой. Эти инструкции часто передавались в Восточный Берлин через советского посла, который таким образом превратился в столичного серого кардинала.

Два новых германских государства вскоре вошли в западный и восточный военные союзы. В 1955 году, активно консультируясь с западными союзниками, демократически избранное правительство Западной Германии сделало ФРГ частью НАТО. ГДР стала частью Организации Варшавского договора, хотя руководство страны (в отличие от ФРГ) не имело мандата избирателей для такого решения. Выборы в Восточной Германии проходили регулярно, но их результаты очевидно подтасовывались – СЕПГ регулярно получала около 99 % голосов. Да это и не имело значения, поскольку ГДР не смогла бы избавиться от советских войск, даже если бы этого захотели власти.

Количество иностранных солдат и ядерного оружия на территории разделенной Германии было огромным. В 1989 году канцлер ФРГ Гельмут Коль обратил внимание приехавшего с визитом президента США Джорджа Буша на то, что, хотя в некоторых местах ширина Западной Германии была не длиннее нью-йоркского Лонг-Айленда, в ней расквартированы 900 000 солдат. С другой стороны границы на них смотрели примерно 380 000 советских военнослужащих.

Таким образом, орудия и фортификационные сооружения вдоль границы между двумя Германиями были материальными воплощениями раскола, возникшего неожиданно и по множеству причин. Эти сооружения затрудняли пересечение границы между двумя Германиями, но до 1961 года перемещение между всеми четырьмя секторами все же оставалось возможным. Однако 13 августа того года СЕПГ под руководством Вальтера Ульбрихта приостановила эту возможность, начав строительство Стены и отгородив западные секторы города от Восточного Берлина и остальной части ГДР. Восточная Германия попросту теряла слишком много людей, трудоспособного возраста в особенности, – они переезжали на Запад. Впрочем, не это стало публичным оправданием возведения Стены. Не только Ульбрихт, но и его преемник Эрих Хонеккер, да и все прочие влиятельные члены СЕПГ заявляли, что Стена служит антифашистским барьером, необходимость в котором возникла из-за действий западных союзников. Известно пророчество Хонеккера, который в январе 1989 года заявил, что Стена «стоит еще пятьдесят и даже сто лет».

¹¹ В русском языке принята аббревиатура СЕПГ. – *Прим. ред.*

Хонеккер родился в 1912 году, вступил в Коммунистическую партию Германии в 1929-м и десять лет отсидел в тюрьме за сопротивление нацистам. После его освобождения и окончания Второй мировой он стал ведущей фигурой в Восточном Берлине и руководил молодежной организацией партии. Сместив своего начальника Ульбрихта (по сути, это был дворцовый переворот), он стал генеральным секретарем Политбюро в 1971 году. К моменту высказывания

о «сотне лет» в 1989 году он уже восемнадцать лет в диктаторской манере руководил не только страной, но и СЕПГ, членом которой являлся примерно каждый пятый взрослый житель ГДР.

Хонеккер не пытался загнать как можно больше восточных немцев в ряды партии, потому что у СЕПГ было предостаточно других рычагов для расширения зоны своего контроля и его осуществления. Она руководила не только всеми государственными учреждениями, но и так называемыми массовыми организациями, например молодежными и профсоюзными, а также всеми университетами страны. Помимо прочего, такой контроль означал, что политически подозрительным школьникам или детям неблагонадежных родителей отказывали в доступе к высшему образованию.

Избежать контроля со стороны СЕПГ – и то до определенной степени – могли лишь католические и (гораздо более многочисленные) протестантские церкви. Режим не одобрял религиозную деятельность, но церкви в ГДР тем не менее сохранялись. Они даже пользовались некоторой автономией, хотя и под бдительным присмотром партии и Штази; отчасти благодаря собственным усилиям по сохранению этой свободы, отчасти из-за того, что церкви стали прибежищами для диссидентов. Партийные лидеры понимали, насколько удобнее контролировать оппозиционеров, когда они собираются в хорошо известных и прослушиваемых местах, таких как церкви, и поэтому терпели их, пока диссидентская деятельность не становилась в них чересчур активной. В результате одни диссиденты ценили церкви за то, что те могли дать им укрытие, а другие избегали из-за высокого риска слежки. Одна из причин, по которой восточногерманские активисты Бербель Боляй, Йенс Райх и их коллеги основали правозащитную организацию «Новый форум» в 1989 году, – то есть новый форум, независимый от церковных оппозиционных движений, – была в том, что они хотели свести к минимуму контакты со служителями церквей, связанных со Штази; хотя, конечно, ни они сами, ни их организация не могли полностью избежать слежки.

Если церкви или другие институты слишком сильно отклонялись от ожиданий партии, то СЕПГ могла задействовать свой главный инструмент запугивания – печально известное министерство государственной безопасности (Штази). В процентах от численности населения страны Штази являлось крупнейшей организацией слежки за всю мировую историю. В 1989 году в ней работали свыше 90 000 постоянных сотрудников и по меньшей мере 100 000 «внештатников» – тайных агентов и информаторов, почти поголовно мужчин. За время существования Восточной Германии – страны с населением всего семнадцать миллионов человек – в качестве постоянных сотрудников Штази успели потрудиться примерно четверть миллиона ее граждан. Возможно, что еще примерно 600 000 в тот или иной момент работали осведомителями. По некоторым оценкам, на каждых 180 граждан приходилось по одному штатному офицеру тайной полиции. Для сравнения, в СССР этот показатель равнялся примерно 1 на 600, в Чехословакии – 1 на 900, а в Польше – 1 на 1500.

Конечно, восточногерманскому режиму приходилось платить за всех этих сотрудников и организованную ими слежку. На министерство государственной безопасности тратилось столько средств, что режим начал полагаться на него как на всеобъемлющий институт по вопросам любой важности. Временами Штази одновременно выполняло роль министерств обороны, внутренних дел и иностранных дел. Некоторые его ответвления разом функционировали как иностранные разведывательные службы и органы внутренней разведки, тогда как другие занимались чем-то вроде охраны правопорядка. Существовали также специальные «филиалы» в почтовых отделениях для местной цензуры и на пограничных переходных пунктах, где Штази следило за осуществлением паспортного контроля и трафиком. Единственным политическим институтом, который Штази не контролировало, была сама СЕПГ. В остальном же тайная полиция могла дотянуться практически до любых областей восточногерманской политики, общества и жизни.

Одной из важнейших задач министерства был надзор за передвижением жителей Восточной Германии. Для обеспечения этого надзора Штази работало вместе с народной полицией (под руководством министерства внутренних дел) и пограничниками, в основном подчинявшимися министерству обороны. В этой структуре был задействован еще один важный элемент. Восточногерманский штаб пограничных войск находился в районе Карлсхорст на окраине Восточного Берлина; там же, совсем не случайно, располагался крупнейший зарубежный отдел советской тайной полиции – КГБ. В огромном комплексе КГБ в Карлсхорсте работало больше тысячи сотрудников. Агенты КГБ находились и в других точках по всей ГДР, сотрудничая с местной тайной полицией. В архивах Штази хранится, например, переписка молодого Владимира Путина, работавшего в штаб-квартире КГБ в Дрездене в конце 1980-х годов.

Самым главным физическим препятствием для жителей Восточной Германии была Берлинская стена. К 1989 году она уже не являлась отдельным сооружением, а представляла собой заградительную систему, полосу смертельных препятствий, которая в некоторых местах состояла из стен, траншей, проходов для собак, заборов, прожекторов, противотанковых ежей и других барьеров против техники. Эта полоса смерти растянулась на девяносто семь миль. Прожекторы, установленные вдоль стены, делали Западный Берлин единственным городом Земли, граница которого была полностью различима из космоса. Большая часть комплекса (примерно 70 миль) была оснащена забором с сигнализацией, а охраняли Стену почти двести сторожевых вышек и пятьсот собак.

Полоса смерти между Восточным и Западным Берлином, фотография без даты. Самая западная часть Стены в этом месте (слева на дальнем плане) была выше и тоньше, чем участок Стены перед Бранденбургскими воротами, а также имела скругленный верх, из-за которого перелезть через ограждение было сложнее. Восточные немцы продолжали гибнуть, пытаясь перебраться через Стену, даже в марте 1989 года (*SBM, Bild Nr. 0015–12614; фотография Ханса-Йоахима Гримма*).

Схожие фортификационные сооружения находились на границе Западной и Восточной Германии. К примеру, в 1972 году Хонеккер приказал установить автоматические устройства под названием SM-70, которые в случае активации детонировали, выстреливая больше сотни поражающих стальных осколков. Эти осколки разрывали плоть не только беглецов, но и диких животных, оставляя жуткие кровавые сцены. Последствия их применения оказались столь ужасными, что СЕПГ не стала устанавливать их на территории Берлина, где жители западной части легко смогли бы стать свидетелями бойни.

Вдобавок к автоматическим устройствам граница между ФРГ и ГДР патрулировалась сторожевыми собаками. Как рассказывает бывший кинолог Дитмар Шультке, восточногерманские пограничники соревновались, кто круче, издеваясь над служебными животными. У многих собак были отрублены хвосты, отморожены уши, а их невымытые вонючие шкуры кишели паразитами. Позже Шультке также признался, что если из-за снегопада было трудно добраться до собак, дежуривших на цепи на границе, то их, воющих, оставляли умирать от голода.

Если беглецов не останавливали стены, SM-70 или собаки, то пограничники могли открыть по ним огонь. За без малого три десятилетия существования Берлинской стены было как минимум 1700 случаев стрельбы по пытавшимся бежать. Однако несмотря на эти инциденты (не говоря о том, что их слышали люди, жившие рядом со Стеной, например Геффрой), руководство СЕПГ неуклонно отрицало наличие приказа стрелять.

Строго говоря, на бумаге «приказа» действительно не существовало, поскольку подобные документы специально составлялись двусмысленно, чтобы лидеры Восточной Германии в случае необходимости могли правдоподобно отвечать критике иностранных правозащитников. Согласно письменным инструкциям, пограничники могли действовать на свое усмотрение в случае, если они заметили попытку побега. В реальности, однако, все обстояло иначе. Что бы ни было написано в документах, от пограничников раз за разом требовали во что бы то ни стало останавливать перебежчиков. Беглых восточных немцев следовало задерживать или «ликвидировать» – других вариантов не предлагалось. Неприятные подробности при необходимости всегда можно было исказить в отчетах. Так как стрельба в целях самообороны считалась допустимой, солдаты могли оправдать любой инцидент тем, что им показалось, будто их жизни угрожает опасность. Пограничники даже получали премии – денежные вознаграждения, отпуска и повышения – за стрельбу по человеку, пытавшемуся сбежать, а особенно меткие из них получали право украсить свою форму «аксельбантом снайпера». Западные правозащитники пытались бороться с этой практикой, обращаясь к пограничникам напрямую плакатами с надписью «Целься мимо, не становись убийцей».

Режиму, однако, приходилось расплачиваться за этот зазор между неоднозначностью письменных приказов и звериной жестокостью их исполнения. Зазор существовал для того, чтобы лидеры режима могли сохранить лицо, однако он же создавал ситуацию неопределенности для пограничных служащих и способствовал тому, чтобы они принимали самостоятельные решения – как в ту ночь, когда граница была открыта. Впрочем, правящий режим сознательно поддерживал эту неоднозначность, так как элита СЕПГ сильно переживала о том, что про них и ГДР думают лидеры иностранных государств и главы международных институций. Во время переговоров с ними партии была нужна возможность отрицать наличие приказа открывать огонь – например, когда ГДР добивалась членства в международных организациях или финансовой поддержки от Бонна. Хонеккер, похоже, особенно сильно беспокоился о репутации ГДР за рубежом. Он стремился к иностранному признанию самыми разными способами, от международных конференций до спортивных мероприятий типа Олимпийских игр, всегда надеясь представить свою страну как равную странам Запада, а себя – равным их лидерам.

Эта чувствительность к зарубежному мнению ставила Политбюро в щекотливое положение. По мере того, как экономика ГДР сокращалась и все больше зависела от всевозможных форм помощи от Западной Германии, восточным немцам приходилось уделять больше

внимания тому, с каким отвращением Бонн воспринимает убийства на границе. Иногда это могло привести к серьезным изменениям. В середине 1980 годов Хонеккер приказал убрать изуверские аппараты SM-70 с границы между двумя частями Германии, в основном из-за осуждения международного сообщества. А после публикации в январе 1989 года отчета Amnesty International, в котором писалось о вопиющем нарушении прав человека в ГДР, СЕПГ привлекла к себе еще больше нежелательного внимания. Однако в остальное время Хонеккер и его товарищи просто избегали прямых ответов на вопросы о насилии на границе, не желая подвергать опасности эту неотъемлемую часть их власти и контроля. Например, министр обороны ГДР Хайнц Кесслер в 1988 году дал большое интервью крупной западногерманской газете Die Zeit, заверив ее журналиста, что «никогда, никогда не было приказа стрелять!».

Поскольку телевидение и радио Западного Берлина и ФРГ вещало и на ГДР, то комментарии вроде того, что сделал Кесслер, не могли оставаться незамеченными в Восточной Германии. Они приумножали слухи о том, что по факту стрельба прекратилась. Один из таких слухов в начале 1989 года услышал Крис – младший сын Карин Геффрой. Двадцатилетний парень больше не мог терпеть притеснение в ГДР. Он был молод, амбициозен и атлетичен; ребенком он демонстрировал необыкновенные успехи в спорте и был отправлен учиться в специальную спортивную школу, где стал талантливым гимнастом. Он хотел поступить в университет и сделать карьеру пилота, но из-за сомнительных взглядов Криса на политику государство закрыло ему доступ к высшему образованию. Вместо этого он устроился официантом в ресторан, где часто обслуживал посетителей с Запада. Его друг Дирк Ригель, тоже официант, позже вспоминал, что общение с иностранными гостями, особенно американцами, постоянно напоминало им о том, в какой ловушке пребывали они сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.